

ФЕДОР АБРАМОВ

## САН САНЫЧ

Рассказ  
(фрагмент)

...

2

Я представлял себе научную базу чем-то вроде благоустроенного современного поселка за дощатым забором и непременно с охраной возле въездных ворот. А тут смотрю — деревня, да и деревня-то, судя по первым домам, так себе. Только лесок справа меня сразу же поразил — ровнехонькая елочка-жердевка в три ряда, эдакий живой зеленый тын метров на двадцать пять, а рядом с тыном белый щит с черными буквами, которые можно прочесть чуть ли не за полверсты: «Научная база НИИ-101. Вход посторонним строго воспрещен!!!».

Вот у этого елового леска чернявый и дал тормоза. Выскочил из машины, уставился, как пес, на лесок и заорал:

— Сан Саныч, принимай гостей!

— Каких гостей, Финоген? — спросили из-за леска. Голос был строгий, приказной. — Я никаких гостей не жду.

Затем оттуда как напоказ вынес себя высокий жердистый человек — босиком, в шортах, и я глазам своим не поверил: мой знакомый. Тот же в оскале золотой рот, те же невозмутимые голубенькие глазки с желтыми, цыплячьими ресничками, тот же крепкий костистый череп, словно выкованный из красной меди.

Сан Саныч тоже узнал меня и первый раскрыл объятия.

— Ну вот, — облегченно вздохнул чернявый и вдруг громко расхохотался, — друзьяки! А мы ломай голову на перекрестке двух дорог...

— Была, была у нас закупорка-то в мозгах, Сан Саныч, — признался и его товарищ, виновато улыбаясь. — Приказ надо сполнять, и опять же видим — наука: открывай все семафоры...

Сан Саныч снисходительно, с пониманием покачал головой:

— Ах дурачки, дурачки! Надрались. Еловые гаишники нам нипочем. Ну ладно, ладно, идите. Протряситесь маленько. Ночью, может, сетешкой придется тряхнуть — надо же гостей свежей ущицей побаловать.

— Это у нас не заржавеет! Мы хоть все озеро протралим!

— Чапайте, чапайте. Да у тебя, Афиноген, мать вроде баню топила, повыбивайте из себя дурь-то молодой березой.

Мужики захохотали — по душе пришлась шутка, — но Сан Саныч не обращал на них уже ни малейшего внимания. Он подхватил под руки меня и моего приятеля и повел в дом.

С Сан Санычем меня свел случай. Лет десять назад выехали мы с одним товарищем в Подмоскovie на подледный лов. Выехали налегке, в демисезонных пальтишках, в туфельках — нулевая температура была с утра, да у приятеля, только что приобшившегося к этому занятию, по правде сказать, и справки нужной еще не было, — а потом как с полудня завыл-завыл сиверко, да как повалила-повалила мокрая липуха — мы и закоченели, в один миг превратились в ледяные сосульки.

И вот кабы не Сан Саныч, наш сосед по лункам, нам бы пропадать. А Сан Саныч как живая баня на льду: грейся. Хоть полущубком с его плеча, хоть подогревом из фляжки.

Я сразу же привязался к Сан Санычу. Во-первых, видный специалист по заповедникам, а значит, и по вопросам природы, или выражаясь по-современному, по вопросам экологии, — есть о чем поговорить с человеком! А во-вторых, Сан Саныч был еще и охотник, а к охотникам я с малых лет равнодушен.

Короче, по первой же пороше мы выехали с Сан Санычем на зайчиков, на его любимую охоту. Выехали целым семейным кланом: сын Сан Саныча с женой, дочь с мужем и он сам с молодой женой.

Добыча для меня, школяра в этом деле, оказалась баснословной: за каких-нибудь три часа команда Сан Саныча расколошматила семнадцать лопоухих!

Тушки их, уже закоченевшие, с красными пятнами замерзшей крови, белой поленницей выложили на черном еловом лапнике, уселись вокруг сами, и начался пир, пир, как торжественно выразился Сан Саныч, по обычаю наших далеких пращуров...

После этого Сан Саныч еще несколько раз приглашал меня на зайчиков, но я всякий раз под каким-либо предлогом уклонялся, и в конце концов мы потеряли друг друга из виду.

Сан Саныч за те десять лет, что мы не встречались, ничуть не изменился: ни единого седого волоса ни в рыжем курчавом венчике вокруг лысой головы, ни на шерстистой груди, хотя ему было за семьдесят. И вообще, сухой и прямой, внешне спокойный и невозмутимый, весь с головы до ног прокаленный солнцем, он напоминал сейчас библейского пророка-пустынника, а вернее сказать, боевого индейского вождя — уж очень для святого крепки были его широкие тяжелые ручки и большие, по-медвежьи растоптанные ступни.

— Труд, труд, мой милый,— кивнул мне свысока Сан Саныч, как бы отвечая на мои мысли. Затем, подведя нас вплотную к елкам, сказал: — Весь этот еловый забор в три ряда вот этими рученьками сотворен. Каждая елушка в лесу выкопана да сюда перенесена. Север. Пришлось вот этой живой стеной от северных ветров загораживаться.

Дом Сан Саныча, стоявший сразу за еловым леском, походил на сказку. Тут тебе и старина-матушка (двускатное рубленое крыльцо с навесом), тут тебе и все удобства и блага современной цивилизации: водопровод, ванна, облицованная белым кафелем, газ (конечно, привозной, в баллонах), теплый туалет.

И мы переходили из одной комнаты в другую и только качали головами (какие тут найдешь слова!), а когда вошли в кабинет хозяина (был тут и кабинет), у нас и вовсе дух захватило: три больших окна, почти без простенков, и во все три окна прет озеро. И даже не прет, а лениво изнывает за окнами, развалиясь, как какой-то гигантский добродушный зверь с серебряной, сверкающей на солнце шкурой.

Да откуда у вас все эти чудеса, Сан Саныч? Мы бродим тут, пустыня, думаем, лесная...

— Труд, труд, ребяташки,— опять назидательно сказал Сан Саныч.— Ох, если бы вы видели, что тут было! Ну, дом этот,— он сделал рукой полукружье,— одни стены, это ясно. Да тут ведь и души-то человеческой не единой не было. Я этих здешних аборигенов Фенка да Тютю где, думаете, закрючил? В райцентре, возле пивного ларька. А сколько нервов да крови стоило, чтобы уговорить их вернуться на круги своя... Ладно,— оборвал он себя,— сперва питание, а потом воспоминание.

Мы прошли на кухню, просторную, светлую, с белым, некрашеным полом из широченных плах (старая постройка) и буквально всю заваленную цветами. Там нас уже поджидал, как выразился Сан Саныч, легкий перекус: холодное молоко, прямо с погреба, клубника, крупная, сочная, огурчики свежие, слегка спрыснутые водой и с такими аппетитными пупырышками, и рыба, нарезанная тонкими звеньями,— свежепросольный сиг.

Хозяйку — она за стол не села — я сперва принял было за родственницу Сан Саныча: такой она показалась мне молоденькой по сравнению с той, что я видел когда-то на охоте. Да и цвет волос был другой. Та, помнится, была черноволосая, с короткой мальчишеской стрижкой, а эта беленькая-беленькая и пушистая, как одуванчик. Перекрасилась? Прошла какую-то мудреную обработку у особо изощренных мастеров?

Я все ждал, что эту семейную загадку разъяснит сам Сан Саныч, с этой целью я даже недвусмысленно поглядывал то на девчонку, то на него, но Сан Саныч, делая вид, что всецело захвачен обязанностями хозяина, помалкивал.

...

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Сан Саныч : [рассказ] // Новый мир. - 1982. - № 5.— С. 26-32